

238 КНИЖНАЯ ПОЛКА

Нина
ВЕСЕЛОВА

г. Кострома

О редкой, по современным понятиям, книжной новинке

В самом конце 2021 года костромское издательство «Линия График» выпустило в свет сборник стихов «Прозрачный мир», составленный из двух книжек: Виктора Сбитнева – «Наши места» и Ларисы Сбитневой – «Свет в окне».

Ниже мы предлагаем читательскую трактовку второй книги, так как прежде стихи Л. Сбитневой выходили лишь в текущей периодике да коллективных сборниках, а сама она была известна широкой публике сначала как журналистка и популярная телеведущая, а затем – как профессиональный редактор и книгоиздатель.

«...Долго ли жить нам на этом веку?»

Никогда прежде не доводилось мне столь явственно ощущать, как поэзия восстанавливает душевное равновесие, заново расставляя внутри главные ориентиры и опоры.

Как подобное могло пройти мимо? Я ли не знала других стихов, и классических, и современных? Или не понимала, не прочувствовала до этих дней чего-то главного, в тайну поэзии допускающего?

А может, это время такое настало – обнажившее вдруг во всей очевидности нашу человеческую хрупкость и подверженность внезапному исчезновению? И оттого каждое из сердца исходящее слово в сердце же и резонирует, отзывается, раскаляясь и воспаляющая душу жаждой нерушимой гармонии?

В общем, случилось почти невероятное: каких-то два десятка стихотворений заняли в душе нишу, равную по объёму увесистому тому. Потому что в ином сборнике листаешь страницу за страницей в надежде обнаружить небесную ясность, а свершается это настолько редко, что вторично его в руки и не возьмёшь. А тут – вновь и вновь берёшься за книжечку, потому что буквально каждое стихотворение

открывает, распаивает дверь в сияющий, дышащий, стрекочущий, благоухающий мир, готовый поделиться своими немеркнущими богатствами, способный обнять тебя как родной человек...

Этим человеком и миром стала для меня Лариса Сбитнева, увлечшая в свои душевные колодезные глубины настолько, что вслед за ней захотелось воскликнуть, задыхаясь от счастья: «Я вижу звёзды!» Высветилось явственно: вопреки испытывающей нас сегодня тьме, вопреки животному страху, вопреки тотальному извечному человеческому одиночеству и близкому отчаянию нужно заставить себя поднять глаза вверх, к небу, и увидеть там надежду, как путеводную звезду. Ведь люди могут быть во всём очень разными, и физически, и во взглядах, но куда им не деться от исходного земного родства. Именно его возрождают и заново дарят человеку поэзия и природа, когда вынимают из прошлого самые тёплые, не убиваемые ничем воспоминания детства.

Если бы потребовалось кратко охарактеризовать поэтический мир Ларисы Сбитневой, то вернее всего к нему подошли бы слова «листопадно» и «яблочно», не раз всплывающие в текстах.

«Уже кружится листопад, В саду и яблочно, и тихо» – это стихотворение «Падежи». А дальше почти в каждом: «Окно открыто в листопад», туда, где «яблок фосфорных гора», где «ещё трава не высохла от ливня и яблочным свиданьем пахнет сад», вот почему: «Мне нравится смотреть на этот пир осенний и яблоком хрустеть среди общего веселья».

Эта «яблочность» мира во всей её чувственной соблазнительности присутствует в нём неистребимо, чтобы всё новые и новые поколения принимали к сладости земных даров и цеплялись за них, воспроизводя потомство. И из века в век во всех уголках света матери поют колыбельные, уверяя детей, что плакать не о чем, ибо, даже когда «снег

идёт, в доме тепло», ибо, даже если что-то «начинается разладом, а кончается добром». И от ослабляющих мыслей есть в мире верная преграда: «Про желанное подумай, про печальное – молчок», не зря же мудрецы всех времён едины в главном – «...боль проходит. Всё пройдёт!»

Спасенье человеческое в том, «что этот день пока ещё не прожит и мы о нём не знаем ничего». Именно поэтому так завораживают его чудеса: вон «стрекозий глаз следит из-за куста», а неподалёку «блестит деревьев паутина, и от крыльца бегут следы к лиловой шапке георгина», а в непогоду так хочется «вбежать под дождь. И замолчать. Дождинку каждую увидеть...»

Весь мир в начале жизни состоит из мелких добрых примет, так зорко видимых и слышных детскому сердцу. Оно никогда не забудет, как «кряхтела лошадка, скрипела телега», как мучительно хотелось поскорее попасть туда,

*где дым над трубой
завивался кольцом,
где синюю краской
сияло крыльцо,
где тёплые валенки
в маминной спальне
и снежная баба
в заснеженном садике...
Давайте и мы,
не теряя минут,
поедем туда,
где нас любят и ждут!*

Однако неисполнимо желание вернуться к безмятежному началу, как бы ни искали мы туда лазейки.

«Мой родимый, когда это было?»... «Мой родимый, когда это будет?» – понапрасну взывает автор. И как все, пытается увековечить ускользающие мгновения взаимной земной любви:

«Вернёшься к ночи усталый-усталый, а я – дома». Разве не в этом спасение от минут, когда «мятежный дух сознание тревожит»?

Однако всё чаще замечает взгляд, что «крестом уснувшего окна ты перечёркнут», всё чаще наваливается тревога, когда «блестит вода в огромной кадке. Дрожит. И нету никого».

В такие моменты взрослого человека начинают неотступно мучить мысли о собственной конечности. «Приходит пора созревания в болотные наши края...» И хотя всё вокруг, как прежде, обычно, хотя «спелые яблоки глухо о старую крышу стучат», взор всё чаще устремляется туда, где «этим птицам не будет конца».

«Как вам там без меня, небеса? Чем я здесь оправдаю бескрылость?» – вот лейтмотив того, что по-детски наивно прячется под внешней радостью. Ведь бездарно, бесплодно прожитая

жизнь в итоге заставит взывать к прощенью, «которого не будет никогда».

В «пору созревания» не помогает даже испытанный веками способ в поисках утраченного времени прятать голову в песок, то бишь в прошлое:

*Милый дом с кошачьим духом
старой лестницы крутой...
Жив ещё диван горбатый,
лампа синего стекла,
и за рамой горка ваты
слоем пыли поросла.
В лоскуточках одеяло,
детство, коклюш, шарик-ртуть...
Разве этого так мало,
чтобы вспомнить что-нибудь?*

Мало! Не спасает даже память про «счастливое, грустное наше свиданье и красное яблоко в тесном кармане».

Всё перебивает гнетущая мысль: «Как жаль, что когда-то нас в мире не станет...»

Эта точка отсчёта укрупняет, делает особо значимым и дорогим то, что прежде и не замечалось: что братик был «маленький, маленький, как сурок, лесенкой позвонки», что «в запрокинутой дольке лица отражается позолота»...

И есть ли что более важное для нас в тревожные дни, когда каждому хочется воззвать: «Братец, кровинушка, колосок, уберегись!»?

Одно из тревожащих стихотворений, в котором

*Калитка вздыхает спросонок.
Боярышник, дождь, листопад...
А где-то высоко-высоко
пролётные птицы кричат,*

автор заканчивает чуждыми для всего текста, нарочито оптимистичными, вековечной женской тревогой вызванными строками:

*Согреет любая погода
и наше людское жильё,
поскольку мы – дети природы,
желанные дети её.*

Увы, увы... в «запрокинутых дольках лица» отражается сейчас совсем иное, нежели всем хотелось бы. Не оттого ли столь обжигающе обращённые в никуда вопросы в конце сборника?

*Долго ли жить нам на этом веку?
Ветка ещё дрожит –
где там кукушка на старом суку?
Жить... Жить... Жить...*

Эти строки словно о сегодняшнем дне.

Но они и о вечном, о том, что пристало настоящей поэзии.

